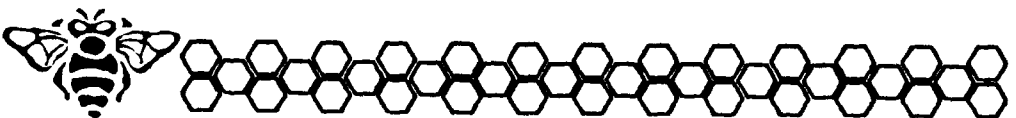

STUDIA HISTORICA

А. Ю. АНДРЕЕВ

**МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
В ОБЩЕСТВЕННОЙ
И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
РОССИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА**

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2000

ББК 63.3(2)
А 65

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)
проект 99-08-87016

Андреев А. Ю.

А 65   Московский университет в общественной и культурной жизни
России начала XIX века. – М.: Языки русской культуры, 2000. –
312 с., ил. – (Studia historica).

ISBN 5-88766-019-8

Книга посвящена одному из важнейших периодов истории Московского университета – первому десятилетию XIX века. Именно в это время формируются и развиваются главные черты, определившие в дальнейшем облик университета и российской высшей школы в целом. Очерк университетской истории представлен в книге на широком фоне культурной жизни русского общества начала XIX века. Даны яркие портреты профессоров и студентов того времени, среди которых Грибоедов, Чаадаев, многие будущие декабристы. Книга написана на основе большого круга архивных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Книга адресована всем читателям, интересующимся историей русской науки и культуры.

ББК 63.3(2)

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su), only the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-88766-019-8

9 785887 660196 >

© А. Ю. Андреев, 2000

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	7
Источники и историография	10
Глава 1. Реформы Московского университета 1803—1806 г. и его первый попечитель М. Н. Муравьев	35
1. Университет на рубеже XVIII—XIX веков	35
2. Первые шаги университетских реформ	40
3. М. Н. Муравьев и его роль в создании университетского устава 1804 г.	44
4. Просветительская политика М. Н. Муравьева на посту попечителя Московского университета	60
Глава 2. Развитие университетского самоуправления в 1803—1812 гг.	72
1. Университетская «ученая республика»	72
1.1. Ученое сословие и общество	77
1.2. Старшее поколение профессоров	83
1.3. «Молодые» профессора	88
1.4. Профессора-иностранцы	94
2. Внутренняя жизнь университета в 1803—1812 гг.	104
2.1. Ректорство Х. А. Чеботарева и П. И. Страхова	104
2.2. Изменение университетской атмосферы при попечителе графе А. К. Разумовском	112
2.3. Указ 6 августа 1809 г. Проблемы дальнейшего развития университетских реформ	119
2.4. Деятельность попечителя П. И. Голенищева-Кутузова и ее последствия	130
Глава 3. Преподавание наук и научная деятельность Московского университета	141
Глава 4. Учеба и быт воспитанников Московского университета в начале XIX в.	186
1. Подготовка к обучению в университете	186
1.1. Академическая гимназия	186
1.2. Университетский благородный пансион	192
2. Студенческий состав университета. Учебный процесс	207
3. Повседневная жизнь московского студенчества	219
3.1. Дружеские собрания и литературные кружки воспитанников Московского университета	237
Заключение	255
Приложение 1. Доклад комитета по рассмотрению уставов ученых заведений от 8 августа 1802 г.	257

Приложение 2.

М. Н. Муравьев. «Проект Устава Московского Императорского Университета»	271
--	-----

Приложение 3.

Состав Московского университета за 1804—1812 гг.	287
---	-----

Архивные фонды	289
----------------------	-----

Библиография	291
--------------------	-----

Указатель имен	303
----------------------	-----

ВСТУПЛЕНИЕ

История Московского университета составной частью входит в изучение истории русской культуры. При этом затрагиваемый ею культурный пласт настолько широк, что трудно провести границу между собственно университетской жизнью и интеллектуальным, научным, литературным, философским, социально-политическим развитием общества в целом, так тесно они связаны множеством нитей, составлявших единство идей и человеческих судеб.

В узком смысле историю университета можно понимать как историю создания и развития конкретного учебного заведения в составе общей структуры учреждений Российского государства. С этой точки зрения ее содержанием является изучение и сравнительное описание университетских уставов, принципов преподавания, взаимоотношений профессоров внутри университета, так же как и их отношений с университетским начальством вне его; здесь необходимо определить роль и место университета в системе российского образования и соотнести их с правительственной политикой в сфере народного просвещения.

Однако такой подход, хотя и чрезвычайно важный для понимания особенностей университетской жизни, оставляет в стороне ее главное содержание — живое творческое развитие внутри и через посредство университета русской культуры. Исследование этой задачи гораздо сложнее и требует привлечения значительного круга источниковых материалов различного характера. С одной стороны, мы сталкиваемся здесь с проблемой изучения развития в целом русской науки, поскольку одна из важнейших культурных функций, которую нес на себе университет, заключалась в его роли научного центра общества. Изучая университетскую науку во всех отраслях знаний, мы должны не только отдавать себе отчет в ее успехах и недостатках, но и соотнести ее состояние с мировым уровнем, рассмотреть, насколько свободно и плодотворно циркулировали здесь идеи, волновавшие мировое ученое сообщество, от которого российская наука неотделима.

С другой стороны, степень взаимосвязи университета и культурной жизни России не определялась исключительно развитием науки. Выступая в качестве мощного аккумулятора идей, университет притягивал к себе мыслящую часть «молодой России», не только образовывал молодое поколение, передавая ему накопленные знания, но и безотчетно содействовал формированию новых культурно-общественных связей, способа мыслей и характера действий. Творческая среда московских студентов и преподавателей распространяла свое влияние далеко за пределами Москвы, господствовавшие в ней идеи часто составляли физиономию целого поколения.

В избранный нами период времени (1803—1812 гг.) названные группы проблем чрезвычайно значимы для университетской истории. Нижняя его граница определяется началом александровских преобразований системы народного просвещения. К началу XIX века Россия подошла, имея за плечами уже две волны реформ — Петра I и Екатерины II, направлявших ее по пути европеизации. Для Александра I его преобразования представлялись естественным продолжением деятельности предшественников. Речь, таким образом, шла о новом этапе европеизации России, особенностью которого было гораздо большее, чем при предыдущих реформах, даже во времена Екатерины, влияние идей и духа европейского Просвещения.

Новое просвещение России было ключевой мыслью Александра при начале реформ и залогом их дальнейшего успеха; так его воспитывали учителя при дворе «просвещенной» бабушки-Минервы, так мечтал он сам, оставив Россию в благоденствии, преображенную расцветом наук и искусств, «удалиться когда-нибудь на покой». Если петровские преобразования побочно затрагивали науку, рассматривая ее практическую сторону как инструмент для решения государственных проблем и ликвидации отставания России по сравнению с Западом, то теперь наука и просвещение вставали в центр концепции реформ, являясь скорейшим средством для распространения добродетели и свободы граждан, как об этом писали европейские философы. Некоторые оговорки о вреде наук, появившиеся после Французской революции, в сущности не меняли дела. В конечном счете, такое просвещение должно было затронуть всех людей, находившихся на государственной службе, в особенности дворян как привилегированную их часть. Поэтому его наивысшим воплощением стал подготовленный Сперанским известный указ об экзаменах на чин по всему энциклопедическому кругу знаний. Если Петр деспотически требовал от своего дворянства практических навыков к исполнению службы, то Александр «отечески» советовал подданным приобретать европейскую ученость, без малейшей надежды ее применить в действительности.

Отсюда нам ясен крайне идеалистический характер преобразований времен «дней Александровых прекрасного начала», которые должны были подвинуть и значительно подвинули развитие российского образования, но совершенно не добились того результата, на который были рассчитаны, так что через десятилетие сменились на прямо противоположную политику. Велика роль этих преобразований в укреплении Московского университета, даровании ему тех основных принципов, которые, в общем, определяли его дальнейшее развитие, но не решали конкретных трудностей по их реализации. Было восстановлено единое научное пространство между Россией и Европой, и развитие науки по европейскому образцу в Московском университете, значительно замедлившееся в конце XVIII века, вновь получило свежий импульс из род-

ственной в научном плане Германии. Проблема генезиса собственно российских университетских научных школ также относится к этому периоду и тесно связана с меняющейся атмосферой университетской жизни.

Однако главное значение александровских реформ заключалось в том, что распространяя просвещение и способствуя развитию наук, правительство получало в ответ не желаемое приращение абстрактной добродетели подданных, а рост гражданского сознания молодых людей, прошедших новую школу воспитания, для которых образованность и научные знания были неотделимы от желания приносить пользу Отечеству. Таким образом, одно из важнейших мест при исследовании взаимосвязи университета этого периода и общественной жизни занимает вопрос о возникновении и формировании *поколения декабристов*. Для Николая Тургенева научное образование означало занятия политэкономией, для Александра Грибоедова — глубокое знание русской истории, для Петра Чаадаева — штудирование философии Канта, но всех их объединяло одно: чем бы они ни занимались, серьезное отношение к науке, глубина просвещения соприкасались у них с чувством собственной ответственности за судьбу родины, необходимостью высшего служения ей, что в дальнейшем станет сердцевиной идейного содержания движения декабристов. Круг мыслей и переживаний, которые молодые люди питали во время обучения в университете, непосредственно подготавливал их к патриотическому подвигу Отечественной войны 1812 г. Именно это событие, трагически отразившееся и на жизни самого университета, естественно завершает рассматриваемый нами период университетской истории, подводя некоторые его итоги и открывая множество путей его дальнейшего развития¹.

В основе настоящей монографии лежит диссертация автора на соискание ученой степени кандидата исторических наук, защищенная им на историческом факультете МГУ. Автор приносит глубокую благодарность своему научному руководителю, академику РАЕН, профессору В. А. Федорову, а также главному научному сотруднику ГИМ Ф. А. Петрову, своими ценными замечаниями много способствовавших к улучшению работы, А. В. Семеновой, Н. В. Минаевой, А. А. Левандовскому, А. П. Шевыреву, А. С. Орлову и всем сотрудникам исторического факультета МГУ, участвовавшим вместе с автором в обсуждении проблем данного исследования.

---

¹ Судьбе Московского университета в дни Отечественной войны посвящена книга, являющаяся непосредственным продолжением данной работы: Андреев А. Ю. 1812 год в истории Московского университета. М., 1998.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Проблема построения источниковой базы для изучения истории Московского университета в рассматриваемый нами период — от начала XIX в. до пожара Москвы — встает особенно остро, что в первую очередь связано с полным уничтожением при пожаре всего корпуса документов, хранившихся в архиве университетской канцелярии, а также библиотеки университета и его музейных коллекций. Тем самым были утрачены материалы, относящиеся к деятельности совета и правления университета, переписка совета с попечителями учебного округа, послужные списки профессоров и преподавателей, документы учета и контроля успеваемости и посещаемости студентов и гимназистов, копии аттестатов и дипломов, выдаваемых студентам по окончании университета (подлинники этих документов можно встретить в некоторых личных фондах). Вместе со сгоревшей библиотекой исчезли и редкие университетские издания, существовавшие всего в нескольких экземплярах (например, начало выпускаемого Обществом истории и древностей российских издания Повести временных лет). Утраченные коллекции университетских музеев содержали экспонаты, имевшие огромную не только научную, но и историческую ценность. Одновременно с ними сгорели и многие личные собрания профессоров университета вместе с их дневниками и письмами, рассказывающими о жизни университета в допожарной Москве. Практически полностью погибло учебное оборудование университетских лабораторий, физического, химического и медицинского кабинета, отсутствие описаний которых лишает нас существенной информации о развитии университетской науки того времени.

Тем не менее, утрата целого корпуса прямых источников по истории университета за данный период не делает ее создание невозможной, поскольку существует большое количество взаимодополняющих материалов, как архивных, так и опубликованных, которые с той или иной степенью близости оказались связаны с деятельностью университета.

Приступая к обзору архивных фондов, относящихся к университетской истории начала XIX века, отметим, что они естественно разделяются на фонды, связанные с деятельностью правительственных структур, в составе которых университет находился, и фонды личного происхождения. Фонды первой группы очень велики по объему, имеют сложный состав, однако в силу утраты значительного количества документов Московского университета из-за пожара и некоторых других причин, содержат, по большей части, лишь редкие, разрозненные дела интересующего нас периода. Определенной широтой охвата материала отличается лишь фонд Департамента народного просвещения, находившегося в Петербурге, где можно было бы надеяться найти копии многих

документов, утраченных в Москве, однако и эта надежда оправдывается лишь частично.

Напротив, фонды личного происхождения, даже и очень небольшие в количественном отношении, содержат интереснейшие материалы, проливающие свет на многие важные страницы истории университета. По характеру фондообразователей их условно можно разделить на фонды, отразившие деятельность университетского руководства — директора, кураторов (здесь бесценным источником являются фонды, связанные с попечителем М. Н. Муравьевым), фонды, в которых сохранились документы профессоров и преподавателей университета того времени (наиболее интересным по содержанию из обнаруженных нами бесспорно является фонд Каменецких, вобравший в себя переписку профессора И. А. Гейма), и, наконец, несколько личных фондов и коллекций, включивших материалы выдающихся людей этой эпохи — студентов или слушателей Московского университета, их воспоминания и переписку (назовем здесь М. А. Дмитриева, И. Д. Якушкина, Н. И. Тургенева, Н. Ф. Грамматина).

Четыре из исследованных нами архивных фондов представляют собой собрания делопроизводственных документов, обращавшихся в составе Министерства народного просвещения, которые отражают повседневную жизнь Московского университета с ее официальной стороны. Это, прежде всего, собственно фонд канцелярии Московского университета (ЦГА г. Москвы, ф. 418). Из-за понесенных утрат при пожаре материалы этого фонда фактически (за исключением нескольких отрывочных документов последней четверти XVIII в.) начинаются с 1813 года. Тем не менее, журналы временной комиссии по управлению учебным округом, созданной после пожара, совета университета (оп. 249) и советов отдельных факультетов (оп. 332, 477) и особенно университетского правления (оп. 109) за 1813 год дают нам некоторые сведения о происходившей осенью 1812 года эвакуации университета, о понесенном им ущербе, судьбе его членов, вступивших в московское ополчение, и др. Здесь нами обнаружены новые биографические данные, касающиеся пребывания в университете декабриста Н. М. Муравьева.

В лучшей сохранности, чем допожарный архив Московского университета, оказались бумаги канцелярии попечителя Московского учебного округа (ЦГА г. Москвы, ф. 459). Дело в том, что в конце августа 1812 года попечитель П. И. Голенищев-Кутузов, спешно уезжая из Москвы, оставил канцелярию в подвале собственного дома, который затем хотя и пострадал от грабителей, но уцелел при пожаре. В книгах исходящих дел канцелярии Московского учебного округа, которую организовал вместе с созданием самого округа попечитель М. Н. Муравьев, отражались названия и краткое содержание всех официальных писем и документов, проходивших через руки попечителя. В фонде (оп. 11) сейчас хранятся пять книг исходящих дел за 1803—1807 годы, вышедших

из канцелярии Муравьева, но отсутствуют аналогичные тома из канцелярий попечителей А. К. Разумовского и П. И. Голенищева-Кутузова, (появляясь вновь только при попечителе А. П. Оболенском). Зная отношение обоих названных попечителей (особенно Голенищева-Кутузова) к канцелярской работе (см. ниже воспоминания канцеляриста М. П. Третьякова), можно предположить, что такие книги при них не велись, а соответствующие дела оказались просто списаны через некоторое время и, таким образом, утрачены для исследователей. Однако и дошедшие до нас канцелярские книги времен попечительства М. Н. Муравьева дают обильный материал по управлению университетом и становлению его деятельности в первые годы университетских реформ, рассказывают о приглашении немецких ученых и поощрении собственных профессоров, которыми с равной энергией занимался Муравьев, о первых шагах университетских ученых обществ и научных журналов, успехах молодых студентов и научных работах заслуженных профессоров этого времени.

С момента основания Министерства народного просвещения в сентябре 1802 года Московский университет вел интенсивную переписку с петербургскими ведомствами этого министерства: собственно Департаментом народного просвещения и Главным правлением училищ. В делах Главного правления училищ (РГИА, ф. 732, оп. 1) мы находим документы о служебных производствах в Московском университете, которые должны были проходить здесь обсуждение, — представления к производству в званиях ректора, деканов, ординарных и экстраординарных профессоров, адъюнктов, докторов, магистров и кандидатов, а также канцелярских чиновников университета. Большая часть этих документов дублирует материалы Департамента народного просвещения, поскольку через него поступала на утверждение министру.

Именно в фонде этого департамента (РГИА, ф. 733) должно было находиться большое количество различного рода документов, повторяющих материалы сгоревшего архива Московского университета и таким образом восполняющих его утрату. Особенно важным при этом было бы обнаружение корпуса официальной переписки попечителя Московского учебного округа с министром народного просвещения (как мы увидим ниже, такого же рода частная переписка между П. И. Голенищевым-Кутузовым и А. К. Разумовским за 1810—1812 годы значительно расширяет наши представления об университетской истории тех лет). Однако в первые годы работы министерства такие своды писем не составлялись, причем большая часть разрозненных документов, не вошедших в законченные дела, была списана при реорганизации канцелярии департамента в 1817 году. Таким образом, от периода 1803—1812 гг. по Московскому учебному округу в фонде остался лишь набор из нескольких десятков никак не связанных друг с другом дел (оп. 28). В действительности, даже эти документы представляют огромный интерес для исследователя. Среди них — письмо поэта И. И. Дмитриева, в

котором он отказывается от должности попечителя Московского университета, предложенной ему императором после смерти М. Н. Муравьева, собственноручный послужной список учителя Грибоедова, немецкого профессора И. Т. Буле, и его переписка с Департаментом народного просвещения, дела об утверждении ректоров и деканов университета, содержащие любопытные подробности их избрания, документы, связанные с приглашением в университет студентов из Финляндии, и т. д.

Отсутствие систематического собрания текущей официальной документации, относящейся к Московскому университету, отчасти компенсируется полным корпусом отчетов по университету, которые ежегодно с конца 1802 г. поступали в Петербург, обнаруженных нами в том же фонде (оп. 95). С принятием университетского устава определяется постоянная форма этих отчетов. В соответствии с разделами устава в них приводится полный состав профессоров и преподавателей Московского университета по факультетам, списки новопроизведенных или выбывших профессоров, адъюнктов, докторов, магистров и кандидатов, а также избранных в этом году почетных членов университета. Университет сообщал о представленных им конкурсных задачах и сделанных новых открытиях, выпущенных им сочинениях и переводах, пополнении библиотеки и музея, состоянии ботанического сада, физической, химической и астрономической лаборатории, медицинских учреждений при нем, ходе дел в университетском суде, числе и характере занятий магистров и кандидатов в педагогическом институте. Приводилось число обучавшихся в этом году студентов, с разделением по факультетам, а также число поступивших и выбывших, те же сведения сообщались и об академической гимназии и благородном пансионе. Отдельная глава была посвящена деятельности ученых обществ, издаваемым ими журналам, проведенным экспедициям, состоявшимся открытиям. В отчете рассказывалось также об управлении и надзоре за училищами Московского учебного округа, о визитаторских поездках профессоров. В целом отчеты содержат уникальную информацию по истории университета, в особенности связанную со студентами, произведенными в течение года в ученые степени, полные списки которых с указанием даты и научной отрасли здесь приводятся. Эти списки по информативности превосходят более известные исследователям отчеты в «Московских ведомостях» (см. ниже), и мы находим в них немало имен, дорогих русской культуре.

Переходя к обзору личных фондов, использованных при работе над книгой, подчеркнем, что их отбор и поиск в них документов по университетской истории тесно связаны с подробным биографическим изучением судеб людей, составлявших университетскую корпорацию в рассматриваемый нами период. Жизнь Московского университета уже в первые десятилетия XIX века затрагивала столь широкие пласты русской культуры, что было бы наивно говорить о возможности выявления

полного комплекса таких документов, рассеянных по всей России и даже за ее пределами¹.

В качестве основного направления архивных поисков были выбраны фонды, по своему происхождению относящиеся к попечителям и профессорам университета. Как и можно было ожидать, среди них наибольшей ценностью для исследователей обладают фонды попечителя М. Н. Муравьева. Дело здесь не только в исключительной роли Муравьева в создании нового образа университетской жизни, принципов «ученой республики», приглашении новых профессоров и т. д., но важно, что именно эти заслуги, высоко оцененные уже следующим поколением профессоров, привлекли их внимание к архиву попечителя. Прекрасным состоянием этого документального собрания (РО РНБ, ф. 499) мы обязаны М. П. Погодину, который приобрел и обработал бумаги Муравьева, а также С. П. Шевыреву и Н. С. Тихонравову, активно занимавшимся исследованием этого архива при подготовке изданий по истории Московского университета. Помимо литературных и исторических рукописей, биографических материалов М. Н. Муравьева, большую часть фонда составляет собрание писем, из которых около сотни принадлежит профессорам Московского университета и относится к годам его пребывания на посту попечителя. Здесь находятся автографы всех немецких профессоров, приехавших в Московский университет — по их письмам мы можем судить о том, как проходили переговоры об их приглашении сюда и какого рода работа занимала их после приезда в Москву. Особенно частый обмен посланиями шел с профессором И. Т. Буле, они показывают немалые труды последнего по воплощению в жизнь университетских реформ в соответствии с просветительской программой Муравьева. Из других писем выделим полную интересных деталей университетской жизни корреспонденцию профессора Ф. Баузе, а также частично опубликованную переписку с попечителем молодых российских ученых, находившихся в те годы за границей. Наконец, отметим уникальный документ — записную книгу М. Н. Муравьева (ф. 499, оп. 1, ед. хр. 14), которую он начал вести, вступив в должность попечителя и занося туда текущие заметки, касающиеся Московского университета. Среди них — черновики статей университетского устава и отчетов министру народного просвещения, списки студентов, отмеченных попечителем для поощрения их успехов в учебе, заметки о ходе переговоров с иностранными профессорами, общие замечания о преподавании в университете, черновики статей по университетской истории для его изданий

---

¹ Ярким примером неисчерпаемых возможностей исторических находок и в наши дни служит обнаружение и публикация в 1984 году в Стокгольме дневников Э. Г. Эрстрема — студента из Або, весной 1812 г. отправленного для обучения в Московский университет, в которых он описывает все приключения, случившиеся с ним и его товарищами во время Отечественной войны, при оставлении Москвы и переезде университета в Нижний Новгород.

и пр. Многие из материалов этой записной книги нашли отражение в изданной в 1855 г. «Истории императорского Московского университета».

Другое важное хранилище бумаг М. Н. Муравьева образовалось в результате процесса над декабристами, поскольку несколько документов, наиболее ярко, с точки зрения попечителя, характеризовавшие его общественную деятельность на ниве народного просвещения, были специально завещаны им сыну Никите, хранились у него и затем были изъяты в ходе следствия вместе с другими семейными бумагами (ГАРФ, ф. 1153). Именно здесь находится авторская рукопись проекта устава Московского университета 1804 г., принадлежавшая М. Н. Муравьеву, а точнее, три редакции этого устава (см. главу 1), и вместе с ними текст доклада Александру I, поданный 8 августа 1802 г. комиссией по рассмотрению уставов учебных заведений и содержащий предварительные соображения по реформированию университетского образования. Кроме того, часть интересной переписки М. Н. Муравьева, в том числе письма к нему Н. М. Карамзина, хранятся в РГАЛИ (ф. 1765).

Личные фонды других представителей высшего университетского начальства — директора И. П. Тургенева, попечителей А. К. Разумовского и П. И. Голенищева-Кутузова — содержат лишь считанные документы, относящиеся к истории университета. В семейном архиве Тургеневых, рассеянном по нескольким архивным хранилищам, остались «семидневный рапорт» о состоянии Московского университета за 1800 г. (ОПИ ГИМ, ф. 247), любопытный черновик отчета одного из кураторов (ГАРФ, ф. 1094, оп. 1, ед. хр. 202); среди корреспонденции А. И. Тургенева (РГАЛИ, ф. 501) — несколько писем от московских и геттингенских профессоров. В фонде П. И. Голенищева-Кутузова (ПД, ф. 413) сохранились 9 подлинных писем, полученных им в августе-сентябре 1812 г. в связи с отъездом университета из Москвы.

Поиск личных архивов профессоров Московского университета осложнен как невозможностью их утратами в пожаре 1812 года (например, полностью сгорел архив профессора П. И. Страхова, скончавшегося через несколько месяцев в Нижнем Новгороде, из-за чего мы имеем, несмотря на воспоминания, оставленные современниками, далеко не полные сведения об этом ярком ученом), так и тем, что некоторые профессора, будучи подчас людьми одиночными и ведя рассеянный образ жизни, не собирали и не хранили свои бумаги (так, несмотря на все старания, не удалось выявить более или менее цельный комплекс документов, относящийся к деятельности такого выдающегося профессора и литератора, как А. Ф. Мерзляков). На этом фоне удивительной (но по-своему закономерной) находкой предстает исследованное нами собрание писем О. К. и Т. А. Каменецких (ОР РГБ, ф. 406), на котором следует остановиться подробнее.

Тит Алексеевич Каменецкий был одним из любимейших учеников ректора Московского университета И. А. Гейма. В 1812 г. именно

под его присмотром отправлялись в Нижний Новгород казеннокоштные студенты и гимназисты. Он же первым из всех членов университетской корпорации побывал в опустошенной пожаром Москве. Дружеские отношения с ректором Каменецкий сохранял до самой смерти Гейма в 1821 г., а затем, в память об учителе, приобрел его письма. Замечательно, что корреспонденция Гейма — единственного среди всех профессоров — вместе с его библиотекой уцелела при пожаре. В дальнейшем это собрание вместе с перепиской известного петербургского врача Осипа Кирилловича Каменецкого, опекуна и родного дяди Тита Алексеевича, и составило упомянутый архивный фонд. Вся коллекция состоит из пяти объемистых переплетенных вместе пачек писем. Конечно, самостоятельный интерес имеет семейная переписка между Т. А. и О. К. Каменецкими, относящаяся ко времени учебы Тита в гимназии и университете, которая живо рассказывает о ходе воспитания молодого человека в первом десятилетии XIX века, так же как и собственная переписка О. К. Каменецкого, знакомого со многими выдающимися людьми этой эпохи. Около трети всех материалов фонда составляют письма (большей частью на немецком языке, а также русском, французском и латыни), адресованные И. А. Гейму (ф. 406, к. 1, ед. 3 и к. 2, ед. хр. 1). Немалая доля корреспонденции написана профессорами Геттингенского университета, высоко ценившими дружбу Гейма, в том числе знаменитым историком А. Л. Шлецером. Здесь же и автографы попечителей Московского университета Муравьева и Разумовского, профессоров Буле и Фишера и практически всех русских профессоров и преподавателей университета. Значительное количество писем тематически связано с войной 1812 года, пребыванием университета вне Москвы (к ним примыкают и письма молодых университетских ученых, адресованные Т. А. Каменецкому, частично опубликованные в 1904 г.), в том числе и ранее неизвестное описание очевидцем пожара Московского университета². Несколько писем, отправленных студентами Московского университета, обучающимися в Геттингене, дают непосредственное представление об образе жизни русских студентов за границей. Таким образом, полнота, информативность и многосторонность этой коллекции значительно обогатили наши знания об университетской среде начала XIX в.

Назовем и другие архивы московских профессоров, обнаруженные в ходе нашего исследования. Неоднократно упоминавшийся профессор И. Т. Буле после своей смерти оставил большое собрание исторических материалов, которыми он пользовался при составлении незаконченного «Опыта критической литературы по русской истории». Это собрание, приобретенное Академией наук, хранится в ее архиве (ПФА РАН, ф. 89,

² Андреев А. Ю. «Я служил городу, а не врагу»: Письмо профессора Х. Штельцера ректору Московского университета И. А. Гейму. 1812 г. // Исторический архив. 1997. № 3. С. 44—53.

оп. 1). Там же находится и личный фонд профессора Фишера фон Вальдгейма с его дневниками наблюдений за 1813—1838 гг. и протоколами Общества испытателей природы (ПФА РАН, ф. 260, оп. 1). В РГАЛИ хранится фонд профессора М. Т. Каченовского с его письмами к жене, отправленными в апреле 1810 г. из Петербурга, куда тот приехал в качестве секретаря А. К. Разумовского, ждавшего своего утверждения в должности министра народного просвещения (ф. 1251, оп. 1, ед. хр. 3).

Наконец, документы по университетской истории содержат несколько отдельных коллекций. В так называемом собрании «Погодинских автографов» (РО РНБ, ф. 588) находятся листы с автобиографиями А. Ф. Мерзлякова, М. Т. Каченовского, И. Т. Буле и письмо декана Ф. Г. Баузе к одному из университетских магистров. Подлинные аттестаты, выданные после окончания благородного пансиона и Московского университета поэту М. В. Милонову, хранятся в фонде В. А. Цез (РО РНБ, ф. 833, ед. хр. 472—473). Секретное цензурное дело 1805 года из правления университета (возможно, единственное уцелевшее после пожара, поскольку хранилось вместе с университетской кассой) обнаружено нами в фонде Н. С. Тихонравова (ОР РГБ, ф. 298, ч. 4, к. 1, ед. хр. 48), здесь же и несколько копий, сделанных Тихонравовым с погодинского собрания университетских бумаг Муравьева.

Наиболее редкими и уже поэтому ценными являются документы, принадлежавшие студентам тех лет. Образцы табелей, выдававшихся воспитанникам университета, дошли до нас в собрании отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, а кроме того в 1939 г. здесь была найдена книга регистрации студентов за 1810—1815 гг., с автографами многих русских общественных деятелей, обучавшихся в университете, в том числе А. С. Грибоедова и Н. М. Муравьева. Значительный интерес представляют рукописные студенческие лекции этого времени: два прекрасно оформленных курса лекций Л. А. Цветаева по римскому праву и Н. Ф. Кошанского по эстетике хранятся в отделе письменных источников Государственного исторического музея (ф. 221, ед. хр. 37; ф. 292, ед. хр. 119). Записи лекции Цветаева о «правах крупнейших народов» вел будущий декабрист И. Д. Якушкин (ГАРФ, ф. 279, ед. хр. 3), а его товарищ по учебе М. Я. Чаадаев оставил нам немецкий конспект частных лекций по новейшим философским системам профессора Буле (собрание Н. К. Пиксанова, Пушкинский дом). Образцы дружеской переписки между дворянами-студентами и воспитанниками благородного пансиона сохранились в фонде Н. Ф. Грамматина (ОР РГБ, ф. 398, письма к нему М. В. Милонова и Д. В. Дашкова частично опубликованы в 1859 г.).

Рассмотрим теперь комплекс опубликованных источников. В первую очередь сюда входят документы учреждений, которые в процессе своей работы были подчинены университету или которым сам университет подчинялся. В рамках возникшей в начале XIX в. структуры

Министерства народного просвещения к первым относились гимназии и училища Московского учебного округа, ко вторым — само Министерство народного просвещения. По материалам, поступающим из различных учебных округов России, министерство с 1803 г. выпускало журнал «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения», где, в частности, упоминались важнейшие события в жизни Московского университета, публиковались сведения о производстве в ученые должности и научные степени и даже публичные речи некоторых профессоров. Основные документы Министерства народного просвещения в середине 60-х гг. XIX в. были изданы в виде двух сборников: «Сборник постановлений по Министерству народного просвещения» (СПб., 1864), где помещались императорские указы, высочайше одобренные уставы университетов, научных обществ, рескрипты и постановления, касающиеся регулирования основных принципов деятельности учреждений, входивших в структуру министерства, и «Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения» (СПб., 1866), содержащий акты, утверждаемые министром: основные положения устройства гимназий, пансионов и училищ, распоряжения, относящиеся к отдельным учреждениям и чиновникам.

Текущая жизнь Московского университета освещалась не только в «Периодическом сочинении об успехах народного просвещения». В рассматриваемый период можно назвать по крайней мере три основных источника, дающих регулярную информацию о состоянии университета и находящихся при нем академической гимназии и благородном пансионе. Во-первых, это газетные отчеты, публикуемые ежегодно в «Московских ведомостях» по случаю торжественного собрания Московского университета, происходившего в начале июля, после завершения учебного года, и торжественного акта в Университетском благородном пансионе, устраивавшегося в канун Рождества. Кроме упоминания названий речей профессоров, обращенных к присутствующим гостям, музыкальных номеров и стихотворений, из которых состояло торжество, в отчет об университетском акте входило перечисление фамилий всех лиц, произведенных на этом акте в ученые степени (кандидата, магистра или доктора), новых студентов, принятых в университет «по надлежащему экзамену» или переведенных из академической гимназии и благородного пансиона. Отчет также упоминал имена студентов, награжденных в этом году золотыми и серебряными медалями, а также фамилии получивших призы гимназистов и списки учеников, переведенных в следующие классы гимназии по каждому из предметов.

В газетном сообщении о пансионском акте подробно описывалась программа торжественного вечера, на котором выступали воспитанники, а затем публиковались полные списки награжденных, которые открывало имя лучшего воспитанника (одного или двух), заносимое на золотую доску в пансионе, после чего в порядке старшинства возрастов

перечислялись ученики, награжденные медалями и призами. В отчете также говорилось о выпущенных в этом году пансионских литературных альманахах, лучших диссертациях воспитанников, которые они писали на заданные темы, об их лучших рисунках, чертежах и пр. и, как и в университетском отчете, приводились списки учеников, переведенных в высшие классы. Таким образом, каждый из отчетов, как и упомянутые выше ежегодные отчеты по университету, содержит записи более ста фамилий воспитанников, которые являются единственными в своем роде свидетельствами об ученическом и студенческом составе университета.

Уникальная информация, отчасти восполняющая утраченные документы, находится в публикуемых университетом на текущий год «Объявлениях о публичных учениях в императорском Московском университете» и «Объявлениях о благородном пансионе, учрежденном при императорском Московском университете». В университетских объявлениях по каждому факультету приводились сведения о публичных (для всех студентов) и частных занятиях всех профессоров этого факультета с указанием полной университетской должности профессора, названий его курсов, времени лекций и учебных руководств к ним. С 1805 по 1810 гг. объявления сопровождались научными приложениями в виде статьи одного из профессоров. Пансионское объявление представляло собой довольно объемную книжку, где, кроме собственно расписания занятий, сведений о преподавателях пансиона и читаемых ими курсах, помещалось постановление о благородном пансионе, правила для воспитанников и другая полезная информация. Благодаря тому, что сведения, содержащиеся в объявлениях, соответствовали году их выпуска и не подвергались искажениям (в отличие, например, от позднейших воспоминаний), мы можем считать их наиболее достоверным источником, позволяющим проверить различные факты из внутренней жизни университета.

Другие печатные источники, тесно связанные с университетской жизнью, — это книги и журналы, выпускаемые в типографии Московского университета. Строго говоря, вся печатная продукция этой типографии может рассматриваться как источник по истории Московского университета, поскольку в ее написании и обработке в основном принимали участие профессор, преподаватели и студенты университета, а с 1806 г. и сама типография, выведенная из-под аренды, была подчинена совету университета. Конечно, среди всех изданий типографии нас в первую очередь будут интересовать те, которые характеризуют основные черты учебного процесса в университете, жизнь и деятельность его ведущих профессоров и некоторых замечательных университетских воспитанников. Среди таких изданий мы можем назвать появляющиеся в рассматриваемый нами период университетские учебники: как оригинальные, авторами которых были сами профессора (Гейм, Двигубский, Рейнгард,